

Дизайн автора

ИГРА

После кофе перешли в другую комнату, расположились на ковре и стали играть в "микадо".

- Не так, не так, Павлик, - басил бородатый хозяин дома, аккуратно собирая с ковра полые и легкие, как перья, спицы, похожие на вязальные. Собрав в пучок, он мягким обучающим движением выронил их и, выпрямившись, оглядел окружающих. На ковре получилась горка. Искусство состояло в том, чтобы вытащить спицу, не пошевелив соседние. Цена спицы зависела от количества полосок на ней. Самая главная - "микадо" - была сплошь полосатой и приносила двадцать пять очков.

Вскоре однако выяснилось, что именно Павлик - плотно сбитый, небольшого роста бодряк - ас "микадо". Прежде чем дотронуться, он, казалось, принимался, замирая над хрупко неподвижной кучкой спиц. Его ранняя лысина выражала крайнее сосредоточение.

Сошлись на том, что и тут проявляет себя его инженерная мысль. Жена Павла наоборот была слишком уж нетерпелива. Она по-детски тыкала пухлым пальчиком, приводя в движение не только соседние спицы, но и всю горку, и, надув губы, капризно отсаживалась.

Ловко получалось еще только у Светы - Светаньки, Светланти, как называл ее Глеб. Света была его новой пассией, к тому же он привел ее впервые, и это внесло в компанию некоторую остроту.

- Ой! - удивилась она, когда жена Павла, не вынеся виртуозности его очередного маневра, одним взмахом смела всю горку и с вызовом отвернулась к окну.

- Друзья! - тотчас поднимаясь во весь свой великолепный рост, просиял Глеб, как будто именно этот вызов привел его к новой восхитительной идее. - Друзья! - повторил он, точно выдержав паузу. - А не сподобить ли нам концерт? Концерт, который я бы назвал ммм... так - "мистер и миссис Икс"! - Глеб был артистом.

Никто ничего не понял, но все заулыбались, глядя на него. Если Павел был головой компании, то Глеб ее сердцем.

- Очень просто, - пояснил он. - Каждый из нас по очереди остается один на один с магнитофоном и записывает, что хочет. А потом мы прокрутим. Все подряд.

- А что, что, что записывать? - запрыгала рядом с ним хозяйка дома, - маленькая, худенькая, вся в черном, с черными выпрашивающими глазами. - Я не помню ни одной песни до конца!

- Голубушка, какие песни?! - сложив длинные сильные пальцы, страдальчески поморщился Глеб. - Ты должна остаться миссис Икс, понимаешь? Мычи, рычи, рыдай, что угодно - шипи, наконец! Но никаких песен, понимаешь? Никаких!

Пока Глеб разыскивал свободную кассету и настраивал свой японский "Нивико", остальные собрались в кружок, хихикали и делали вид, что прячутся друг за друга.

Появился Глеб.

- Ну? Кто первый? - обвел он взглядом притихшую компанию.

- Пусть мужчины! - робко откликнулась хозяйка дома.

- Ну что ж, Павел? - вопросительно заулыбался Глеб и твердо положил руку Павлу на плечо. Тот был на голову ниже.

- Это нечестно! - попытался вывернуться Павел. - Первый первым и получится....

- Павлик... - укоризненно и, как бы сильно удивляясь, протянул Глеб.

- А, шут с вами! - махнул рукой Павел и ринулся за дверь.

В комнате был выключен верхний свет, горел только торшер в углу, и полумрак располагал к спокойной искренности. "Психолог", - неодобрительно подумал он о Глебе и, посмотрев на магнитофон, в ожесточении потер подбородок. За день щетина отросла и трещала под пальцами. Павел хмыкнул и нажал рычажок записи. Ему представилось, что именно так чешется бык об угол сарая, и для полноты картины он вплотную приблизился к микрофону и утробно замычал. И тут же он вспомнил, как заблудился этим летом в лесу и, уступая страху, прыгал по болотным кочкам, встряхивая сумку с крошечным грибом, и выбрался только потому, что услышал мычание коров. Коровы паслись вдали на лугу и, глядя на них, он долго сидел возле этого сырого душного леса, вытирая платком едко горевшее лицо,

В тот же день, поссорившись на даче с женой, которая так ничего и не поняла, он с чувством обиды и сознанием полной своей правоты уехал ночевать в город, а ночью в пустой квартире - оба мальчишки были в лагере - ему вдруг стало страшно, гораздо страшнее, чем там, в лесу, и он, открывая двери, судорожно включал везде свет, а потом, уткнувшись в подушку выл от одиночества и презрения к себе.

Павел попробовал завывать. Теперь это получилось совсем иначе - легко и даже отрадно. Когда он вернулся к остальным, жена испытующе посмотрела на него - он скромно потупился и улыбнулся про себя.

Следующей должна была идти хозяйка. Она волновалась больше всех, темнея глазами, прикладывала руки к груди и начинала прыгать от возбуждения, а в последний момент все-таки вытолкнула вперед мужа. Он покорно шагнул за дверь.

Хозяин дома был художником, из тех, кто, как он выражался, сам себя сделал. Это предполагало, что он доволен результатами проделанной над собой работы, однако в действительности все было сложнее. Благополучие пришло к нему только в последние годы, а признание... - вкуса признания он так и не распробовал. Впрочем, дела шли хорошо. Особенно после того, как ему удалось оформить подряд целых четыре спектакля; правда, два шли в глумбинке, зато один - в столице. Пора сценического аскетизма кончилась, и режиссеры вместо скошенных в сторону зрителей ступенек, обозначающих что угодно - от улицы до интерьера спальни - теперь, требовали настоящих светофоров и двуспальных гарнитуров. К тому же нельзя было отрицать - художник имел что сказать современному зрителю, тому самому, который предпочитал вещественность игре воображения.

Художник вошел в комнату и, перед тем как закрыть за собой дверь, постоял молча - не подслушивают ли? Потом походил по комнате - ковер скрадывал шаги - бросая недоверчивые взгляды на магнитофон и, протянув руку, нажал рычажок. Медленно зашуршала запись. Художник осторожно дышал у микрофона, следя за тем, как подрагивает стрелка индикатора, и решительно не знал, с чего начать. В сущности, это была глупая затея: примерно так они развлекались лет восемнадцать назад, в студенчестве, когда магнитофон был редкостью. Фрейдиизм какой-то, иначе и не назовешь. Тест для подкорки.

Однако любопытно, что там записывал Павел - пропадал он довольно долго. С Павлом его объединяло только то, что их жены были институтскими подругами. Вполне дурацкое знакомство. Однако в Павле что-то его привлекало. Наверное, умение радоваться жизни. Радоваться и

удивляться. Редкое по теперешним временам качество. Художник был в общем-то человеком угрюмым, ему даже говорили, что он чем-то напоминает Льва Толстого: такой же сверлящий взгляд из-под нависших бровей... Сверлящий взгляд - это ему понравилось, и он сознательно культивировал его, пока однажды не натолкнулся на тонкую Павлову улыбку.

Художник достал сигарету, чиркнул возле микрофона спичкой и, затянувшись, выдохнул дым в микрофон. Поскреб его потухшей спичкой, вынул из кармана носовой платок и длинно, гулко высморкался. "Дико звучит", - подумал он. Он еще раз высморкался, представив, какой оглушительный будет шум - стрелка зашкаливала - и оглянулся по сторонам. Его взгляд остановился на кувшине с клюквенным соком, сам же он и принес его сюда - после чахохбили страшно хотелось пить. Он налил полстакана и прополоскал горло, затем, подставив стакан к микрофону, медленно наполнил его, поднимая кувшин все выше. Переставив кувшин на подоконник, за штору, чтобы не заметили, он нажал "стоп". Ему вдруг стало тоскливо, как бывало не раз на выставках, когда он натыкался на свои работы. "Бездарь", - подумал он и собрался было стереть записанное, но тут его стали звать в несколько голосов.

Теперь уж запустили хозяйку. Она пробыла в комнате совсем недолго и вернулась с пылающими щеками, победоносно глядя на всех, так что жена Павла чуть ли не отказалась идти вовсе. Однако пошла.

До Павла она была, по ее собственному разумению, совсем другой. А потом стала вот такой, вполне такой, какой он ее видел, понимал, воспринимал. Наверное, иначе им пришлось бы разойтись. Он видел её беззащитной, и она в конце концов согласилась с этим, он часто извинялся, опережая её обиду, и она сделалась обидчивой, он пытался оберегать её от сложностей жизни, и она воздала ему капризной, вздорной требовательностью. Только с детьми она была самой собой и мстила ему невниманием ко всем тем вещам, что выходили за пределы её отношений с сыновьями. Но мальчики - она родила двойню - подрастали и теперь, на тринадцатом году, потянулись к отцу. Это было её тайной мукой, потому что в душе она слегка презирала его. Всю жизнь он пытался играть роль сильного - для этого ей пришлось стать слабой. Не слишком ли дорогая цена за то, чтобы называться благополучной семьей?

Она раздраженно сидела в кресле, закинув ногу на ногу, и глядела на свою туфлю, которую покачивала на носке. Нет, нет - она пыталась начать все сначала, вернуть себя себе. Отбросить все притворство, и - с самого начала, как в первый день. Но это было наивно. Прошное - не оно им принадлежало, а они ему... Оно все зацементировало - не шевельнуться. Нет, пока была жива ее мама, еще можно было позволить себе вдруг собрать чемодан, одеться и одеть детей... А сейчас...

Она включила магнитофон и робко мяукнула...

Следующим должен был идти Глеб. Он отвел хозяйку в сторону и, пошептавшись, открыл один из ящичков голубого кухонного шкафа.

- Только не подглядывать! - объявил он, пряча что-то за спиной, и так, задом, и вышел.

- Это против правил, мы ничего не брали! - ревниво запротестовал Павел, но на него зашикали, как на дилетанта.

Глеб пропадал дольше всех, так что художник даже сострил в том смысле, что нельзя злоупотреблять своим служебным положением, и предложил Свете сходить за ним. Но та, закусив губу, отрицательно помотала головой. Наконец Глеб появился. Он сиял и с трудом сдерживал распиравший его смех. Рукав его был в чем-то белом, вроде муки, и он попросил у хозяйки одежду щетку.

- Ты там должен был нарисовать по меньшей мере мюзикл, - сказал художник. - Для Светаньки хоть осталась пленка?

- А то, - сказал Глеб и, подмигнув, сделал поклон:

- Ваша очередь, мадмуазель...

Света молча провела пальцем по его уже почти чистому рукаву и исчезла за дверью.

Она очень волновалась, когда шла в этот дом, и, поминутно заглядывая в лицо Глебу, спрашивала:

- Может, неудобно, а? Может, не пойдем? Иди один, слышишь? Я не обижусь. Это ведь ТВОИ друзья...

- Твои друзья, мои друзья, ее друзья, их друзья... - декламировал Глеб, не сбавляя шага. - Только без комплексов, Светланти. Договорились?

Она послушно кивала, но вскоре снова останавливалась. Вместо ответа он легко и быстро, успевая однако и в мгновение вложить чувство, целовал её и увлекал за собой.

Света знала его недолго, всего недели две. Не вообще, а если считать по встречам. На четвертую встречу он, беспомощно улыбаясь, заявил, что никуда не пойдет и останется у нее ночевать, в её однокомнатной квартире, которую ей благородно уступил её бывший муж. То, что Глеб остался, получилось случайно - просто они пошли на последний сеанс в кино неподалеку от ее дома, а потом побежали по морозу к ней, чтобы выпить по чашечке кофе с коньяком. У Глеба был с собой коньяк. Потом и в самом деле было поздно - а оказаться ночью одному в огромном, пустом, новом районе... И она сказала себе, что любит его. Сначала себе, а потом вслух. И он ответил, что полюбил ее с первой встречи. Как-то нехорошо он сказал, торопливо - она помнит, что тогда это ее задело. Ведь она от него ничего не требовала - ей хватало собственного чувства.

В сущности, он оказался слабым и неуверенным в себе человеком, но, может, поэтому ее и потянуло к нему. Ей хотелось о ком-то заботиться. Её бывший муж называл это "тактикой вытирания носов". Сам-то он никогда не страдал насморком...

Света отодвинула штору и прижалась лбом к холодному стеклу. Кончался февраль, и вместе с ним, кажется, кончалась зима. На улице шел снег - в свете фонаря он был густой, радостный, однако мостовая и тротуары мокро, черно блестели, и парк по ту сторону был темен и гол. Они еще остановились в парке и целовались, прежде чем выйти сюда, на свет.

Света вздохнула, включила магнитофон, молча постояла над ним, обхватив себя руками, как от холода, и тихо, почти топотом стала читать:

Мой милый, будь смелым

И будешь со мной.

Я вишеньем белым

Качнусь над тобой.

Зеленой звездой

С востока блесну,

Студеной водою

На панцирь плесну,

Русалкою вольной

Явлюсь над ручьем,

Нам вольно, нам больно,

Нам сладко вдвоем...

Она сделала паузу и, подумав, не стала продолжать. Блока ей открыл Глеб. Что-то она и сама раньше помнила, но именно "что-то". Глеб же читал блистательно, правда, совсем другое. "О доблестях, о подвигах, о славе"... - декламировал он, и его бархатный голос чуть дрожал, словно и в самом деле было это "Я звал тебя, но ты не оглянулась, я слезы лил, но ты не снизошла..." Потом она узнала, что стихи эти уже записаны на пластинке одним великим актером, - именно оттуда у Глеба все интонации, полные благородства. Но что с того... Конечно, он рассердится, этот надменный, ироничный Глебушка. "К чему эта раздевалка?" - будет после он ей выговаривать. Для него все, что не наедине - "раздевалка". Но кривлянье? Кривляться она не умеет.

В гостиной было так светло, что Света невольно прищурила глаза. Кажется, Глеб волновался за нее больше, чем она сама. Он взглянул на нее, как учитель, стараясь предугадать, что там - её триумф или провал? - и готовый к тому и другому.

- Ты правильно нажимала? - не удержался он от вопроса.

Странно, сейчас он был для нее чужим.

- Ну что, по коням? - кротким, но несколько встревоженным жестом пригласил хозяин дома, и все, подталкивая друг друга, гуськом двинулись в комнату.

Расселись кто где, Света осталась стоять у двери, а Глеб с видом обреченного повалился в кресло и стал перематывать пленку

- Начнем? - тоном рядового члена судейской коллегии справился он и повернулся к художнику. - Как там сказано в писании? Блаженны плачущие, ибо они..?

Художник рассеянно покачал головой, и было не ясно, то ли он не помнил, то ли осуждал текст.

- Ибо они утешатся! - подхватил Павел и продолжал: - Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие, ибо...

- Вот мы сейчас и выясним, ибо чего, - процедил Глеб и иронично, оттопыренным большим пальцем вдавил рычажок. Он усилил звук, и комнату огласило мычание. Мычали мощно и монотонно - казалось, что кто-то очень большой сидит в какой-то огромной луже, скорее, даже не в луже, а в болоте, в самой трясине. Наверное, он застрял давно и потерял всякую надежду выбраться. Он был добрый, и его было жалко. Вопли сменил чей-то глубокий вздох, за которым настала унылая пауза, а потом кто-то начал сухо и монотонно скрести по металлу. "Томка", - подумал художник, узнав себя, и поерзал на диване.

- Сижу за решеткой в темнице сырой, - с видом меломана откинувшись в кресле, прокомментировал Глеб. Однако при звуке воды, которая лилась утончающейся струей, он, удивленно вытянув шею, оглядел окружающих и, театрально обхватив голову руками, молча затрясся от смеха.

- Чего радуешься? - не выдержал художник. - Сейчас и до тебя дойдет.

Магнитофон помолчал и наполнился шуршанием. На этот раз казалось, что кто-то хищный, но очень маленький, непременно маленький, застрял в огромном комке бумаги и что есть силы продирается наружу сквозь спрессованные, как в кочане капусты, слои. Иногда он останавливался, чтобы передохнуть, слышалось частое мелкое дыхание, и снова начиналась страстная возня. Хозяйка сидела прямо, сжав в руке платочек, словно то самое шуршащее маленькое существо.

У всех вытянулись лица, а Глеб комично захлопал округлившимися глазами. Неожиданно возня кончилась, и в наступившей тишине раздалось жалобное мяуканье.

- Супер! - прошептал Глеб. - Тише, мыши, кот на крыше!

- Ладно, ладно! - замахала рукой жена Павла.

И тут без всякого перерыва в магнитофоне захрустело. Хруст был ритмичный, словно кто-то шел по утопанному морозному снегу. Затем раздался стук - так стучат в дверь, и в самом деле послышался скрип открываемой двери.

- Однако... - заинтригованно проговорила хозяйка дома. Всем было ясно, что это Глеб. Дальше вполне натурально передавались звуки поцелуев, вслед за которыми обрушился каскад недвусмысленных вздохов.

- Je t'aime! - проверещал Павел голосом Шарля Азнавура.

- Да замолчите вы, гады! - взмолился Глеб, принимая реплики за поощрение.

За вздохами явственно стало проступать тиканье будильника. Он тикал очень громко, так что внутри тонким звоном отзывалась какая-то пружинка, пока все внезапно не прервалось свирепым тарахтением звонка.

- Утро! - объявил Павел.

Художник усмехнулся в бороду, поднялся и торжественно понес к Глебу руку для пожатия.

- Молодец! - хлопал он его по плечу. - Большой принципиальный художник.

- Глеб! - поддержала мужа хозяйка дома. - Это было великолепно. На сцене ты никогда не был так близок к жизни. Чего стоят одни шаги! Так вот зачем тебе понадобился крахмал...

- Мой милый, будь смелым и будешь со мной, - раздался рядом знакомый голос, и, хотя он звучал как-то странно, приглушенно, все повернули головы в сторону Светы. Однако ее у дверей не было, а голос продолжал:

Я вишеньем белым

Качнусь над тобой.

Зеленой звездой

С востока блесну...

Одним ударом Глеб выключил магнитофон и, вскочив, выпрыгнул из комнаты. Через несколько мгновений в дверях возникло его растерянное лицо:

- Ушла...

- Догони! - рявкнул Павел, и теперь все с удивлением оглянулись на него. Лицо его было красным.

Глеб снова исчез.

- Я не прощаюсь! - крикнул он из коридора, и входная дверь захлопнулась.

- Нда... - почесывая колени, проговорил художник. - Сто против одного, что они не вернуться.

- Ну, нам пора! - своим прежним бодрым голосом заявил Павел, вставая и подавая руку жене.

Хозяева вышли за ними в прихожую.

- Я тебе позвоню, - не выдержав затянувшейся паузы, подмигнула жене Павла хозяйка дома.

Вместе с мужем она выстояла на площадке, пока лестничный пролет не заслонил гостей. Хозяева закрыли дверь и вернулись в комнату.

- Магнитофон, - устало сказал художник, - Глеб магнитофон не взял...

Он опустился в кресло и машинально тронул рычажок перемотки, но тут же нажал "стоп" и, откинувшись, пристально посмотрел на жену.

- Послушай, - проговорил он, - как это я раньше не замечал? В тебе и в самом деле есть что-то мышиное...

На улице Павлу удалось сразу поймать такси. Он хотел сесть впереди, но жена потянула за собой. Она сидела, плотно держа его под руку, и всю дорогу молчала. Только возле квартиры она встала между ним и дверью и, как бы через силу подняв к нему лицо, спросила:

- Тебе плохо со мной?

1974